

общему плану? И гдѣ же можетъ быть положено начало такому знанію, обнимающему *всѣхъ* и *все*, какъ не въ государствѣ, созданномъ русскимъ православнымъ народомъ, въ основѣ котораго положено родственное чувство?! Самое распространеніе русскаго государства хотя и совершилось не безъ меча, но мечъ употреблялся только на защиту своихъ. Подвергаясь постоянно нападеніямъ сначала со стороны половцевъ—кочевниковъ, а затѣмъ со стороны монголовъ—такихъ же кочевниковъ, русскіе ограждали заселенную ими землю валами, рвами и засѣками, устраивали вокругъ своей земли сторожевую линію, прекращавшую возможность набѣговъ со стороны воинственныхъ кочевниковъ на мирныхъ земледѣльцевъ. И тамъ, гдѣ бывала устроена сторожевая линія, наступалъ миръ, а кочевники удалялись отъ нея въ другія, менѣе защищенныя мѣста. Спокойствіе защищеннаго мѣста привлекало новыхъ насельниковъ, а затѣмъ начинали селиться и за сторожевою линією, въ степи, ставшей по удаленіи кочевниковъ, по выраженію древнихъ актовъ, *порожними полями*. Незащищенность поселившихся въ степи, за сторожевою линією, „въ татарахъ“ *) вновь привлекала кочевниковъ, и приходилось переносить сторожевую линію все дальше и дальше. Вся Россія изрѣзана валами и рвами, усѣяна засѣками (отъ которыхъ остались, кажется, только почти названія), входившими въ постепенно-расширявшіяся сторожевыя линіи. Эти рвы и валы указываютъ, какъ постепенно расширялась, росла русская земля, захватывая все большія и большія пространства, и дошла такимъ образомъ до Аму—Дарьи, до Атрека. Русский народъ расширялъ занятое имъ пространство, не нападая на сосѣдніе народы, но защищаясь отъ ихъ нападеній. Не защищаться же онъ не могъ, потому что погибъ-бы и, такимъ образомъ, не исполнилъ-бы воли Божіей, своего предназначенія, *своей*,—какъ вѣрилъ русскій народъ,—*миссіи, чтобы на землю было миръ*. Сознаніе этой миссіи, какъ неопредѣленное чувство, и до сихъ поръ живетъ въ нашемъ народѣ: русскій народъ не хочетъ мириться съ тѣмъ, что не вся земля принадлежитъ Бѣлому Царю. Въ

*) Такъ называется и до сихъ поръ мѣстность за бывшею когда-то сторожевою линією въ г. Керенскѣ. Пензенской губерніи; мѣстность же, которая была ограждена сторожевою линією, отчасти сохранившеюся и до настоящаго времени въ видѣ валовъ и рововъ и нынѣ называются тамъ „Русью“

ловѣкъ сталъ его возлюбленнымъ сыномъ? Слова въ Евангеліи Іоанна—„даде имъ область чадомъ Божіимъ быти“ (1, 12), молитва Господня, начинающаяся словами—„*Отче нашъ*“, слова 1-го посл. Іоанна (гл. 3 я ст. 1 и 2)—„какую любовь далъ намъ Отецъ, чтобы намъ называться и быть дѣтми Божіими,“ „Мы теперь дѣти Божіи“ и т. п. исключаютъ возможность двухъ рѣшеній этого вопроса. А если Богъ нашъ Отецъ, а мы,—т. е. *весь родъ человѣческій въ совокупности*,—а не каждый изъ насъ въ отдѣльности,—если родъ человѣческій есть возлюбленный сынъ Его,—то *всякій* отецъ желаетъ, чтобы сынъ его былъ не только во всемъ ему равенъ, но если возможно, то и превосходилъ бы его. Такое желаніе, желаніе, чтобы сынъ превосходилъ отца возможно, конечно, пока не достигнуто совершенство: Богъ—Отецъ нашъ можетъ желать одного, чтобы и мы, дѣти Его, были совершенны какъ и Онъ. Въ этомъ—и объясненіе словъ Спасителя—„Будьте совершенны, какъ Отецъ Нашъ небесный совершенъ“, „дѣла, яже Азъ творю, и той сотворятъ и больше сихъ сотворитъ“ (Іоан. XIV, 12). Но, чтобы быть совершенными и не быть тварью, не оставаться въ рабскомъ состояніи, родъ человѣческій долженъ родиться свыше, какъ это говорится въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, т. е. долженъ самъ возсоздать себя въ совершенной полнотѣ въ составѣ всѣхъ, когда—либо жившихъ, индивидуумовъ, т. е. не достигнуть лишь безсмертія, возсоздавъ себя, но и воскресить всѣхъ, когда—либо жившихъ, безъ всякихъ исключеній. Только достигнувъ полнаго единства, такого